

К сожалению, Е Юй, чьи нервы были толще водопроводной трубы, лишь почесал зудящее ухо, ни на секунду не задумываясь о скрытых смыслах. Кажется, это был первый раз, когда мальчишка назвал его по имени? Раньше он либо обращался к нему просто «ты», либо вообще молчал, как рыба. Е Юй тут же серьёзно поправил его:

— Зови меня «брат Юй» или «брат Е».

Прямо называть по имени — это невежливо. Е Юй чувствовал, что воспитание ребёнка — это тяжкий труд, требующий огромных усилий.

Взгляд Чао Миня скользнул по нему. Пижама Е Юя была длинной и свободной шёлковой рубашкой, и даже накинутый сверху халат не мог скрыть обнажившуюся ключицу.

Эта тонкая линия кости неожиданно придавала бесхитроственному мужчине некую притягательность.

Пальцы Чао Миня сжали порванные страницы, а в его глазах загорелась ещё более глубокая страсть.

Он уже изучил отношения между мужчинами, и это оказалось на удивление простым делом, очень простым...

Е Юй даже не подозревал, какой голодный, почти демонический взгляд скрывается в глазах Чао Миня. Он подошёл к нему, болтаясь в своей небрежной одежде, босой, с белоснежными стопами, изящными от лодыжек до пальцев.

Глаза Чао Миня следили за каждым его шагом, а пальцы непроизвольно сжались, и ещё несколько страниц мужского эротического альбома превратились в клочья.

Для Е Юя же мертвенно-бледное лицо Чао Миня было нормой. Если бы мальчишка вдруг перестал выглядеть как мертвец, это было бы странно. Поэтому, подойдя к столу и увидев разложенные на каменной поверхности книги и рисунки, он не сразу понял, что происходит.

Благодаря чёткой памяти и острому зрению он невольно запечатлел в уме изображения, которые лежали перед ним.

«Мужская страсть, неудержимая и пылкая». Искусные штрихи картины детально изображали сцену, где один мужчина был сверху, а другой... снизу. Рисунок был настолько детализированным, что даже если бы ты попытался убедить себя, что это просто два куска лотоса, готовых для салата, это бы не сработало.

Е Юй резко вдохнул:

— Что за чертовщина?

«Как огонь и вода, мужская энергия проникает в узкие врата, сохраняя семя, но не выпуская его». Роскошные мазки изображали сцену, где один мужчина стоял на коленях, а другой, стоя сзади, держал его за талию, совершая движения. Рисунок был настолько реалистичным, что статичное изображение казалось почти живым.

Е Юй замер, словно ему перехватило дыхание, а в голове загорелись тысячи строк разноцветного текста: «Чёрт, чёрт, я ослепну, ослепну, ослепну! Лучше бы я выколол себе глаза! Что это за чертовщина?!»

Лицо Е Юя переливалось оттенками зелёного, красного и белого. Он едва перевёл дыхание и закричал хриплым голосом:

— Кто показал тебе эту мерзость? Я убью его! Учить ребёнка таким вещам — это значит обрекать его на вымирание!

С этими словами он быстро схватил все книги, которые подлежали уничтожению, прижал их к груди, бросился к двери и начал рвать их на куски, кусая и разрывая, а затем выбросил обрывки, как мусор, чтобы они смешались с опавшими цветами груши.

Едва оправившись, он чуть не умер от шока.

Е Юй тяжело дышал, вытирая пот со лба, и повернулся, чтобы продолжить промывать мозги мальчишке. Это всё — зло, ребёнок не должен этому учиться. Если хочешь учиться, давай, мы с тобой отправимся в бордель, где только женщины.

Но, обернувшись, он увидел, что мальчишка стоит в дверях, его детское лицо напряжено, а глаза темны и полны гнева.

— Ты сказал, что это мерзость? — голос Чао Миня стал глубже.

Внутренний огонь в нём не угас, а отношение Е Юя лишь усилило его раздражение. Красный оттенок в его глазах проступил, но он снова подавил его. Это была первая в жизни жажда, которую он почувствовал к кому-то, но её жестоко отвергли.

Е Юй тут же твёрдо кивнул:

— Это мерзость, это неправильно, это нельзя учить, понял?

Боясь, что ребёнок не поймёт разницы между добром и злом, Е Юй начал долгую и правоучительную речь. Он готов был закопать эти книги в навозную яму. Как ребёнок может смотреть на такое? Это может сломать ему жизнь.

— Человеческие желания — это естественно, — сказал Чао Минь, протянув руку.

Лепесток грушевого цветка, сорванный ночным ветром, мягко опустился на его палец. Хрупкий цветок казался частью его руки, словно не мог убежать. Он слегка сжал пальцы, раздавив лепесток, и в этот момент ему хотелось разорвать Е Юя на куски.

Е Юй вдруг почувствовал, что выражение лица Чао Миня слишком мрачное, и в его взгляде не было ни капли детской невинности. Его давно не использованный мозг медленно начал работать. Неужели... когда он упал в воду, ударился головой и его тело занял кто-то другой?

Конечно, эти мысли промелькнули лишь на мгновение. Е Юй с досадой потер лоб, подошёл к Чао Миню и сказал:

— Это желания между мужчиной и женщиной. В твоём возрасте не стоит об этом думать. Хотя я понимаю, что в этом возрасте трудно сдерживаться, но ради здоровья лучше подождать несколько лет.

Было неловко обсуждать такие темы с подростком, и Е Юй впервые почувствовал, как сложно быть отцом, объясняющим ребёнку основы полового воспитания.

Чао Минь не ответил, лишь молча смотрел на Е Юя. Когда тот подошёл ближе, он вдруг резко схватил его за запястье. Рука была холодной, и тело молодого человека всё ещё не избавилось от холода, поэтому его температура оказалась даже ниже, чем у Чао Миня.

Е Юй лишь с недоумением смотрел на него, совершенно не понимая, что стал в чьих-то глазах лакомым кусочком, а голодный волк лишь выбирал, с какого места начать.

Просто бросить его на кровать, разорвать эту раздражающую одежду и заставить этого глупого мужчину понять, что такое мерзость.

Чао Минь сжал руку с такой силой, что мог бы мгновенно швырнуть Е Юя обратно на кровать. Но почему-то, увидев его непонимающий взгляд, он замер, не решаясь сразу перейти к решительным действиям.

Что, если он узнает, что он — Чао Минь?

Рука Чао Миня ослабла, но пальцы стали ещё более напряжёнными, словно сковывая запястье Е Юя. Отпустить или нет — это стало для него настоящей дилеммой.

Он вдруг понял, что ему безразлично мнение этого глупого мужчины.

Е Юй же не думал о таких сложностях. Он вдруг приблизил лицо к Чао Миню, и в его глазах мелькнуло недоумение.

Чао Минь не понимал, что происходит, пока Е Юй не сказал странным голосом:

— Мальчишка, у тебя что, ячмень на глазу?

Раньше он видел, как глаза Чао Миня загорались красным, но, присмотревшись, понял, что они оставались такими же чёрными, как всегда.

Кстати, у людей в этом мире глаза были очень тёмными. В его прошлой жизни у него были карие глаза, и он редко видел людей с такими чистыми чёрными глазами.

Чао Минь резко отвернулся, наконец подавив желание разорвать Е Юя. Он посмотрел на кровать за ширмой, сжал пальцы так, что ногти впились в ладонь, и внутренний огонь злобы немного утих.

Он не понимал, зачем терпеть. В этом месте, даже если Е Юй не захочет, он не сможет сбежать.

Е Юй вдруг тихо спросил:

— Странно, где это мы?

Дыхание Чао Миня замерло, а взгляд стал мрачным.

— Мальчишка, ты знаешь, как мы сюда попали?

Е Юй поправил широкие рукава и настороженно огляделся. Теперь он относился к незнакомым местам с большой подозрительностью. Пока он не поймёт, что происходит, он не будет слепо доверять.

Честно говоря, он уже устал от погонь.

Даже у Врат Куньлунь его преследовали с мечами. Даже дурак понял бы, что в этом мире нет безопасного места.

И теперь он был уверен, что у него, вернее, у прежнего Е Юя, есть какой-то секрет или он совершил что-то ужасное, что вызвало столько преследований.

А теперь он не умер, а проснулся в роскошном месте.

Какова цель того, кто его спас? Е Юй с холодным лицом размышлял. Ведь никто не стал бы прикладывать столько усилий без причины.